

ДЕСАНТ В НОЧЬ

Этот человек жил в Мадриде. А в краеведческом музее кубанской станицы Каневской есть его портрет: крупные черты спокойного лица, внимательный взгляд темных глаз. Герман Восмедиано Эспиноса прислал свою фотографию по просьбе каневчан два года назад. А совсем недавно он сам переступил порог станичного музея...

В 1936 году Герману Восмедиано Эспиносе было восемнадцать. Летчик-республиканец, он летал вместе с нашими парнями.

Когда Герман приехал в Советский Союз получать самолеты для республиканской Испании, он не знал, что наша страна на долгие годы станет ему второй родиной. Здесь застала Германа черная весть о поражении республиканцев. Поверить в это было страшно, невозможно. Но надо было жить, преодолев горе и смятение. И испанец Герман Восмедиано Эспиноса стал токарем на ростовском заводе «Красный Аксай». Здесь, в России, встретил он Тамару Зубарь, ставшую его женой. Здесь родились два его сына. Здесь, когда пришел грозный час, он продолжил борьбу с фашизмом.

...Эта январская ночь 43-го была холодной и снежной. Старожилы Каневской до сих пор помнят, как ураганный ветер пронизывал тогда станицу насквозь. В ту ночь в район Каневской был выброшен со специальным заданием советский парашютный десант, которым командовал Герман Восмедиано Эспиноса. Но десантников подстерегла беда: многие погибли при приземлении, другие попали в руки фашистов. Герман уцелел чудом. И хорошо помнит, кому этим чудом обязан: «Это благодаря советским людям я сегодня жив».

...Ветер выл, гудел в черном небе. И казалось, что с каждым его порывом уходили из тела последние капли тепла. Герман полз по промерзшей земле. Все сильнее коченели ноги, все нестерпимее болело ушибленное при ударе о землю бедро. И все меньше оставалось сил. Их хватило только на то, чтобы взобраться на чердак какого-то строения, до которого он наконец дополз.

Когда он открыл глаза, то увидел склоненное мальчишеское лицо – это сын конюха пришел за сеном. Герман не удивился, не испугался, только тихим голосом попросил: «Я хочу чай». Конюху Ивану Нефедову Герман объяснил, кто он, попросил помочь связаться со своими.

На следующую ночь Нефедов приехал вместе с Матвеем Новиковым. Покормили Германа, на руках перенесли его в дроги, укутали и отправили в станицу. Жил он здесь сначала у Нефедовых. Потом прятала его у себя Ольга Лукьяновна Сидоренко. А когда стало известно, что в ночь готовится карательная операция, Матвей Фирсович Новиков решил переправить Германа на птичник.

Везти надо было днём – другого выхода не было. Новиков нашел плохонькую лошаденку, чтоб не привлекла внимание гитлеровцев. Положили

они с Нефедовым Германа на телегу, дали в руки автомат: на случай, если не удастся проскочить, – живыми не сдаваться! И поехали по станице.

– У него ноги поврежденные были, сам обмороженный и по нации – иностранец, – вспоминает сегодня Матвей Фирсович. Кто же ему помог бы, если не мы?

Эти люди рисковали не только своей жизнью, но и жизнью детей, близких. И всё-таки прятали, добывали еду, лечили: вечерами пробирался к Герману фельдшер П.Н. Животовский, делал перевязки, приносил лекарства. Словом, спасли.

Как только Каневскую освободили. Германа забрали в госпиталь. И здесь судьба приготовила ему еще один удар.

«Обмороженные ноги сохранить не удастся, – вынесли приговор медики. – Нужна ампутация». Когда отправляли на лечение, его пришла провожать вся станица.

...И вот он вернулся сюда через тридцать четыре года. Встретился с тем, кого считает своим вторым отцом – Матвеем Фирсовичем Новиковым.

Об этой встрече очень трудно рассказывать. Вы должны представить сами, как, крепко стиснув друг друга, замерли на мгновение двое немолодых мужчин. Как перехватило горло и у них, и у тех, кто видел это свидание. Как путал от волнения Герман русские и испанские слова, а Матвей Фирсович все равно их понимал. Как дрожали улыбавшиеся губы, как всколыхнулась радость, боль, память... И остро резануло по сердцу прошлое. И как омыли слезы черные испанские и голубые русские глаза.

Пожилые женщины обступили Германа, внимательно и ласково рассматривали его, улыбались, спрашивали о жизни, о детях. Но больше – о прошлом: «Животовского не забыли?», «А помните, как перевозили вас – соломой накрыли и сверху овцу, ягненка положили?», «А помните, как я прибежала, гусиный жир вам приносила и дрова?». Разглядывали сына Германа Манолия, который теперь больше чем на десять лет старше того, прежнего, молодого Германа, каким помнят его эти женщины: «На папу похож. Он тогда такой худенький лежал, волосы кудрявые, красивые». «А я уж и не помню, какой он там был, я его видела всего обмороженного, в тряпках». Женщины опять вздыхали. И снова тянули к заплаканным глазам уголки белых косынок.

Так неразделимо слились в этом свидании горечь и радость. Это очень больно – вернуться туда, где погибли твои друзья, где двадцатипятилетним парнем ты лишился ног, где испытывал страх за людей, которые ради тебя рисковали жизнью. Но человек до тех пор человек, пока он способен помнить. И подвиг, и жертвы имеют смысл, пока их помнят и чтут. Поэтому и приехал на кубанскую землю Герман Восмедиано Эспиноса. Приехал, чтобы отдать долг своей боевой молодости и товарищам по оружию.

Он побывал на месте гибели своих боевых друзей. На территории пенькозавода стоит скромный обелиск – здесь расстреливали фашисты советских людей. Здесь были казнены и несколько десантников. Герман Восмедиано Эспиноса положил к памятнику погибшим товарищам цветы. И вместе с ним молча стояли рядом его русские друзья.

Герман приехал, чтобы сказать спасибо тем, кто спасал его от смерти. Кто спасал его для жизни, для его жены, для его сыновей Карлоса и Манолио и еще не родившегося тогда младшего – Хосе Мари. И младший был с отцом в Каневской.

Герман вместе с семьей вернулся в Испанию двадцать лет назад. Он был коммунистом, республиканцем, жена его была русской. Они долгое время жили в Советском Союзе – этого было достаточно, чтобы к семье Эспиноса во франкистской Испании относились соответствующе. «Это была не жизнь, а существование, не было работы, нельзя было получить образование, люди боялись общаться с нами», – рассказывает Манолий. Но для Германа Испания не перестала быть родиной. И он хотел, чтобы она стала другой.

Им хватило сил и мужества. Герман, Манолий, Тамара Ивановна сразу оживляются, когда речь заходит о сегодняшней Испании: «Сейчас в стране очень чувствуются демократические завоевания. Главное – легализована компартия. В Испании повеяло свежим ветром перемен».

Теперь в их доме часто бывают люди, которые хотят как можно больше узнать о нашей стране, просят Германа, Тамару Ивановну рассказать о России. Часто приходит сюда и Сейхо Прадос Грегорио – отец Сейхо Куэрво Григорио, товарища, погибшего в том же десанте. Раньше сеньор Григорио только расспрашивал Германа о России, а теперь он уже о ней вспоминает: в прошлом году приезжал на могилу погибшего сына. Об этой поездке старик не может говорить без волнения: «Какие добрые эти русские! Как тепло принимали они меня». И как он им благодарен за память о сыне...

А. Мхиторян,
г. Краснодар

из газеты «Социалистическая индустрия»
29 сентября 1977 года № 228